

старшего, «в углу висела большая, в золотой ризе, икона божьей матери, и перед ней горела розовая лампадка» (С.104). Михайлов, герой рассказа «Севастополь в мае», дотрагивается «беспрестанно до образа Митрофания-угодника, в которого он имел особую веру» (С.60). Как мы видим, то, что так подробно было описано Толстым в «Севастопольских рассказах», Фетом лаконично показано в образе «набожной руки отчизны».

Наконец, оба художника запечатлели в своих произведениях многочисленные кровавые потери во время обороны города. Толстой описывает «сотню свежих окровавленных тел людей», лежащих на «росистой цветущей долине» (С.60). В стихотворении Фета «рядом улеглись, своей залиты кровью, и дед со внуком, и отец». Преемственность поколений важна и для Фета, и для Толстого. Так, поэт говорит о бойцах, которым «внуков поучать навеки суждено». Толстой же, описывая посещение госпиталя, приводит рассказ жены раненого матроса о том, как «великие князья говорили с ним и пожаловали ему двадцать пять рублей и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем чтобы учить молодых, ежели уж сам работать не может» (С.10).

Проведенные наблюдения, на наш взгляд, позволяют предположить, что стихотворение создавалось Фетом не только под впечатлением посещения братского кладбища, но и под влиянием «Севастопольских рассказов» Толстого, что подтверждает ряд текстовых переключек.

Примечания

1. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М.: Гослитиздат, 1958. С. 59, 61.
2. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889. Ч.1–2. М., 1890. Ч.2. С. 378.
3. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Л.: Лениздат, 1970. С. 21. В дальнейшем все цитаты из рассказов Толстого даются по этому изданию в тексте.

© А.А. Медведев
Тюмень

ФЕНОМЕН А.С. ПУШКИНА В ЭССЕИСТИКЕ В.В. РОЗАНОВА

*Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.
А.С. Пушкин*

В творческом наследии Розанова 11 статей, появившихся в периодике рубежа веков, точнее, эссе, в названии которых фигурирует имя Пушкина. Все творчество Розанова, начиная с первой книги и заканчивая «опавшими листьями», пронизано мыслями о Пушкине: он постоянно

обращался к нему, возвращался к поэту в дни юбилеев, по поводу выхода книги о нем и просто так («К Пушкину, господа! – к Пушкину снова!...» – «Возврат к Пушкину» (1912)), кардинально изменяя курс движения для своего и для нашего времени. Розанов не боялся идти против течения – линейного, прогрессистского развития: он видел в Пушкине – «цель и смысл» русской культуры, ее идеал. И это не общие слова, а лично пережитый им смысл.

Розанов находился в ситуации, когда сказать что-либо новое о Пушкине было трудно: казалось, все уже исчерпывающе высказано Достоевским, Тургеневым, Островским... на пушкинских торжествах 1880 года. Но Розанов не был бы самим собой, если бы был способен на компиляцию: его творческий гений преображал все, к чему прикасался.

В своей первой книге («О понимании» (1886)) Розанов формулирует идею органичности Пушкина, в русле которой будет осуществляться восприятие феномена Пушкина на протяжении всего творчества Розанова: «Никто и никогда не был натуральнее Пушкина в смысле естественности, правдивости, сообразности творимого с жизнью и природою человека, какова она есть». Это – ключ к розановскому пониманию поэта.

Последнее раскрывается в богатом контексте: диалоге с предшественниками и современниками, которые условно разделяются на две традиции в пушкинистике, важные для понимания истоков и особенностей розановского восприятия Пушкина:

1. Ю.Н. Говоруха-Отрок, Вл. Соловьев, Рцы, П.Е. Щеголев, с которыми Розанов полемизирует;

2. В. Белинский, Ап. Григорьев, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, А.С. Суворин, П. Перцов, И.Л. Щеглов, которых Розанов продолжает в своем понимании Пушкина.

Из последнего ряда выделяется особенно существенная для Розанова и частично забытая сегодня ветвь пушкинистики: Ап. Григорьев, Страхов, Достоевский.

Органическая критика Ап. Григорьева все же остается в рамках теоретического дискурса: в творчестве Пушкина видится путь от западноевропейского типа культуры (увлечение «чужими богами») к русскому типу культуры (нравственные идеалы народа). Не случайно главной чертой этого направления – третьего фазиса русской критики – Розанов называет «научность» («Три момента в развитии русской критики», 1892–1899). Органичность для Григорьева и Страхова – это связь произведения с предыдущим и последующим, в которой раскрывается его исторический смысл. Розанов наполняет идею Григорьева о Пушкине новым смыслом: «Все сошло само собою: остался русский человек, но уже богатый всемирным просвещением <...> Пушкин вырастал из каждого поочередно владевшего им гения <...> Это – любовное, любящее оставление, именно вылет бабочки из недавно соединившейся с нею в одно тело оболочки, «ветхой чешуи»» («А.С. Пушкин», 1899).

Национальность Пушкина для Розанова не в идейности, а в естественной природе человека: оставаясь конкретной, национальность приобретает при этом универсальный смысл абсолютной свободы русского духа, бесконечного духовного восхождения, роста, полета...

Понимание Пушкина Страховым также проходит в рациональном, идейном, теоретическом дискурсе: гармоническое соединение в Пушкине простоты, ясности и спокойствия – это отражение идеальных качеств русского народа, которые стали положительными идеалами этой ветви славянофильства. Феномен пушкинского покоя, ясности, простоты и краткости переосмысливается Розановым как органический: «Пушкин – это покой, ясность и уравновешенность. Пушкин – это какая-то странная вечность. <...> когда это станет «не нужно»? Так же это невозможно, как и то, чтобы «утратили прелесть и необходимость» березовые рощи и бегущие весной ручьи» («Возврат к Пушкину», 1912).

Две основные идеи «Пушкинской речи Достоевского» (Пушкин как народный поэт, его всемирная отзывчивость) формируются в славянофильском, почвенническом, утопичном дискурсе писателя (профетизм и мессианизм явления Пушкина), что проявляется и на уровне жанровой формы (публицистичность «Речи»). Феномен пушкинского разнообразия приобретает у Розанова новую, органическую интерпретацию: «...идеал его дрожал на каждом листочке Божьего творения <...> Вся его жизнь и была <...> прогулкой в Саду Божиим, где он указывал человечеству: «А вот еще что можно любить!». «или – вот это!...»» («О Пушкинской академии», 1899). Всеотзывчивость Пушкина не идейная, а органическая («Эхо») – бытийная, онтологическая всеотзывчивость, любовь к человеку и бытию.

Органичность позволила раскрыть Розанову феномен Пушкина с точки зрения его религиозности (органичность пушкинского христианства) и с точки зрения воздействия на читателя (органичность восприятия Пушкина читателем) – это собственно розановские открытия. Пушкин в своей органичности, онтологичности оказывается ближе к аутентичному, подлинному христианству – «христианскому гуманизму» (Г.П. Федотов), живому, творческому христианству, религиозному творчеству: «... ходя в Саду Божиим, <...> он насаждал его, повторял дело Божиих рук... изящество, действительно возведенное к апофеозу, – отбежавшее от внешней красоты и прилизавшееся к внутренней, к доброте и правде <...> красота у него сошла вглубь, пошла внутрь. Тут две тысячи лет нового углубления, христианского развития сердца, но пошедшего не специально в религию, а отраженно бросившего зарю на искусство» («О Пушкинской академии», 1899). Феномен органичности, онтологичности пушкинского творчества раскрывается Розановым как воспитательность Пушкина. Эта сквозная мысль Розанова в «опавшем листке» 1915 г. звучит так: «Пушкин... я его ел. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь; но это – еда. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов. Когда для смертного

умолкнет шумный день — одинаково с 50-м псалмом («Помилуй мя, Боже»). Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда». Пушкин — «хлеб насущный». Чтение-переживание Пушкина дает читателю возможность творческого развития, нового духовного роста. В органичности Пушкина — обогащающий диалог читателя с поэтом: «Пушкин всегда с природою и уклоняется от человека везде, где он уклоняется от природы. В самом человеке он взял только природно-человеческое <...> и каждому возрасту он сказал на ухо скрытые думки его и слово нежного участия, утешения, поддержки» («Возврат к Пушкину», 1912).

Именно эти обогащающие отношения мы наблюдаем в личности и творчестве Розанова. «Опавшие листья» — результат пушкинского роста в нем, пушкинской органичности (протеистичность сознания, непосредственная органичность переживания, лиричность, фрагментарность, краткость, простота), но уже в существенно иную, более сложную историческую эпоху.

В органической форме переживания «опавших листьев» не только выражено это бесконечно обогащающее переживание Розановым Пушкина, общение с ним, но и заражающе действует на читателя. И это, наверное, главное — органический импульс, возникающий у читателя, — импульс общения с Пушкиным. В высшей личностной, интимной («для себя») форме «опавших листьев», непосредственной в прямом смысле слова, акт понимания не опосредован ни чем, потому Розанов так ослепительно открывает Пушкина для читателя. Органичность Пушкина Розанов раскрывает органически, чему соответствует художественно-философская форма «опавших листьев». Ключевые образы сопрягаются, плавно перетекают друг в друга, образуя таким образом онтологический символ («Пушкин есть как бы символ жизни» — «Пушкин и Гоголь», 1891), раскрывающий бесконечную глубину и красоту пушкинского духа: «удивительный луг», «бабочка, вылетающая из куколки», «протей», «Сад Божий», «Эхо», «березовая роща, бегущие весной ручьи», «возвращенный рай», «чистая кровь», «еда». Образ Пушкина сверкает, тихо сияет в своей точности, ясности, чистоте. Своим опытом переживания в «опавших листьях» Розанов способствует тому, чтобы Пушкин «вошел другом в наши дома» («Возврат к Пушкину», 1912).

Таким образом, розановское понимание Пушкина, развивая традицию пушкинистики Ап. Григорьева, Страхова, Достоевского, переводит ее идеологический дискурс в органический. Мы видим, как в розановском понимании Пушкина изменяется состав культуры, претворяется ее структура. Объектный тип критики XIX века, опирающийся в своих основах на безличную, прогрессистскую модель истории, объяснял писателя суммой внешних влияний. При этом личность писателя незаметно элиминировалась, «растягивалась по направлениям», становилась средством, «материалом для теорий». Усвоив опыт русской критики

XIX века, Розанов конституирует субъектный тип критики («Три момента в развитии русской критики», 1892–1899), в центре внимания которого – внутреннее ядро личности, «живая личность», «богоподобный человек», которого невозможно объяснить внешней связью с прошлым и будущим – это лишь средство, но не цель. Личность сама раскрывает «тайны души своей», если к ней подойти «с любовью и интересом» Розанов устанавливает двусубъектную, диалогическую, живую, органическую, онтологическую модель критики, в которой идея не подавляет живого впечатления.

Новое освещение Пушкина определяется личностью и творчеством самого Розанова. В культуре второй половины XIX века (в литературе, в частности) мы наблюдаем движение от теоретизма, искусственности, порождающих культурный кризис, к органичности, живой личности – движение, которое завершает Розанов. В явлении Розанова произошел принципиальный культурный сдвиг, смена теоретической парадигмы на органическую, онтологическую, личностную что проявляется и на уровне жанровой формы (движение от дискурсивной философии к художественно-философской прозе – органической эссеистике и праэссеистике «опавших листьев»). Таким образом, если мы посмотрим на культуру в ее перспективе, то увидим, что в ее поле Розанов и Пушкин совмещаются в точках культурного сдвига, пограничья (рубежи веков). И эта удивительно близкая историко-культурная типологичность и делает розановское понимание Пушкина конгениальным: протеестичным, лаконичным, простым и прозрачным в своей глубине.

Розанов завершает восприятие Пушкина в XIX веке и открывает новую в культурном смысле страницу – пушкинистику XX века, закладывает ее основы, из которых сознательно и бессознательно будут исходить, их продолжать Блок, Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пришвин, Федотов и многие другие.

© Г.Л. Медведева
Тюмень

«ПУШКИНСКАЯ РЕЧЬ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ФИЛОСОФИЯ ПОСТУПКА ПРИМИРЕНИЯ

Одним из кульминационных событий в духовной жизни русской интеллигенции 70-80 гг. XX века явилась Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, которая была произнесена им 8 июня 1880 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, а затем опубликована в «Дневнике писателя».

Кризис культуры, по словам М. Бахтина, наступает тогда, когда «в пространстве и времени часть и целое связаны лишь внешней связью, и не пронизаны внутренним единством смысла, когда отсутствует связующее звено личности и двусторонней нравственной ответственности мира жизни и мира культуры» (Бахтин М. Работы 20-